

## ПРЕМЬЕРЫ

**Под таким заглавием очень давно в Париже вышла статья о человеке, чье имя окутано тайной, слухами, домыслами и просто сплетнями, которые вовсе не унижали того, кому были посвящены, а, напротив, составляли часть мифа о нем.**

Вацлав Нижинский — выдающийся танцор двадцатого века, ушедший со сцены еще в девятнадцатом году, но и сейчас известный в балетных кругах своими партиями и постановками. Он умер в пятидесятом, а до того тридцать лет боролся с тяжелым душевным недугом. Диагноз — вяло текущая шизофрения — ничего не говорит о том причудливо сплетении реальности и фантазии, веры и безверия, любви и смерти, видения которых заполняли последние годы его жизни. Точнейшее мифопоэтическое его мироощущение угадывается из бесконечных писем Дягилеву, меценату и покровителю, создателю его славы и эксплуататору его таланта, любимому, наконец.

В Париже самая престижная балетная премия носит имя Нижинского. А у нас? Как всег-

да, в узких кругах или глупо не о том. Последние годы знаем о Нижинском больше, но сейчас большинству не до того. Верхом пошлости показалось прочитанное мною сообщение перед пропагандой вегетарианских блюд в одной газете, что Нижинский не ел мяса. Действительно не ел и терял мышечную массу, и не мог танцевать, но какое это имеет отношение к Нижинскому? Как это касается его, который говорил

в той атмосфере легкого дыхания, мягкого цвета и призрачного свечения. Все написано в импрессионистской манере последних лет, с той приставкой «пост», которая указывает «на признаки распада, на талый снег и жухлую листву...».

Наверное, можно было бы пойти по традиции сценических композиций, соединяющих куски биографии, и драматизм подлинных событий сделать крепкой театральной драмой, сыг-

прыжок Нижинского из «Видения розы» — затяжной прыжок в вечность.

Роль Нижинского играет, нет, скорее импровизирует Олег Меньшиков — «я в предлагаемых обстоятельствах». Есть ли в его исполнении Нижинский? Думаю, больше, чем это могло быть при посредоточении на точных приметах и известных событиях. Разработка темы больной души, стремящейся к миру, в

ное совпадение — оба над землей. Я поднимаю глаза и вижу на высоте Олега Меньшикова. Лицо бледное, вдохновенное, глаза с лихорадочным блеском так темны, что кажутся бездной, путями в зазеркалье. Движения нервны и естественны. Нижинский только что поражал публику широким шагом, высоким прыжком, стремительным вращением и линией, изящество которой описано сотнями балетоведов. Теперь отды-

ным приспособлением как бы противоположны стремительности и эфемерности Меньшикова. Но Феклистов только поначалу кажется большим «материализмом». На самом деле его «здание» также артистично и хрупко, мир его существования зыбок. Он вдруг каким-то экстравагантным жестом разрушит узнаваемое, бытовое. Или движением в танце также начинает парить над облаками, сливаясь с Нижинским, с которым всего секунду назад был так различен. Лицо его, не отличающееся точностью меньшиковского лика, несомненно, отмечено печатью благоговения и глубокого ума, способного столь сложную тему постичь самому и сообщить нам.

Движения Феклистова и Меньшикова то в унисон, то в разброд, сами по себе балет, путь создания спектакля о танцоре без танцев.

Прекрасный художник Павел Каплевич белизной костюмов, торжественной приподнятостью оформления, светом, сочиненным с Сергеем Макрашным, усиливает «балетность» спектакля. Условно говоря — это «белый балет» из какой-нибудь «Жизели», но исполненный жестом и словом, созданный трепетом страдающих душ.

Вадим МИХАЛЕВ.

## «Долгий отдых фавна»

о себе и о человеке вообще: «Итак, без шуток, я в одно и то же время человек и Бог...». Помните, как у О. Мандельштама «Божье имя как большая птица, вылетело из моей груди».

Об этом новый спектакль агентства «Богис» (Боголюбова—Исаева) по пьесе Алексея Бурькина «Нижинский». Именно об этом, божественном в человеке, почти без бытовых подробностей, без биографий, без «отпечатков пальцев» и сличений фактов. Скорее, это импровизация на темы Р. Хана, М. Раavelя и К. Дебюсси. И дело вовсе не в том — звучит или не звучит их музыка со сцены, а

рвать на взаимоотношениях Дягилева и Нижинского, помня о том, что последний — «Голубой бог». Создатели спектакля не пошли на это, построив все как мираж, как то, что было и не было. А реальность? Реальность — только финальный

толстовском понимании этого слова, как сливаясь со Вселенной, дало Меньшикову больше в понимании Нижинского, чем сотни замусоленных исторических справок.

Между Меньшиковым и Нижинским есть одно несомнен-

хает, большой, пылливый, подозрительный, острый и так нуждающийся в Дягилеве — спасителя и родной душе.

Спаситель, сам алчущий спасения, Дягилев и не Дягилев, короче говоря, «альтер эго» героя — Александр Феклистов.

Что за время такое. Два замечательных актера на сцене, а еще не всем на свете об этом известно. Раньше и меньшие успехи приносили большую славу.

Феклистов — мастеровит. Его заземленная фигура, этакая хваткая манера исполнения, склонность к точным деталям, умение воспользоваться удоб-

*Афиши театров меняются быстро. Еще по инерции браним «чернуху», а — глядь! — пьес, написанных в этом «перестроенном жанре», почти и нет. Они уступили место классике, этой вечной палочке-выручалочке отечественной сцены, романтического драмам, сентиментальным мелодрамам и изящным комедиям. И в разговоре*